

Бернардо Бертолуччи не привыкать быть «возмутителем спокойствия». С того самого скандального фильма «Последнее танго в Париже» и до недавнего «Последний император» он был верен своему принципу плыть против течения.

Его новая картина «Маленький Будда», стоившая 35 миллионов долларов, породила «буддаманию». Фильм неожиданный для режиссера, известного привязанностью к фрейдизму, членством в компартии Италии и воинствующим атеизмом. Фильм духовный, изысканно эстетичный и по-детски непосредственный, снятый в форме почти сказки, что дало повод критикам говорить о «встрече Бертолуччи с Уолтом Диснеем».

Впрочем, так ли уж неожидан этот фильм для самого режиссера? Скорее всего, нет, ведь уже давно его пристальный взгляд художника сосредоточился на малознакомой Западу восточной культуре. Поэтому, по его собственным словам, он возвращает давний долг буддизму, который вновь открыл ему, 54-летнему уставшему человеку, радость жизни и творчества.

Бертолуччи впервые познакомился с буддизмом, когда ему был 21 год. Писательница

Эльза Моранте, тогда жена Альберто Моравиа, подарила ему книгу о жизни одного из великих святых тибетских буд-

ддистов Миларэпа. «Она доставляет мне огромное эстетическое наслаждение, — говорит Бертолуччи, — впоследствии я еще много раз встречался с буддизмом, хотя никогда не пытался проникнуть в его глубину».

— Что это? Знак судьбы? — спрашивает корреспондент.

— Нет. Я очень любопытен, и меня интересуют различные культуры. Преимущество буддизма в том, что он не обра-

щает человека в эту религию, а заставляет его думать, можно ли ей верить. Точно так же, как никто не может быть обращен в марксизм или фрейдизм. Буддизм — философия, и мне не очень нравится глагол «верить». Я — не верующий, я — очарованный буддизмом. Как сказал бы великий испанский кинорежиссер Луис Бунюэль: «Слава Богу, я атеист». Я глубокий поклонник тибетского буддизма, потому что тамашние монахи — мыслители и интеллектуалы.

— Вы многому у них научились?

— Почти всему. Но дело это глубоко личное. Назову лишь сострадание, сочувствие, над которыми я часто по-

смеивался. Я рос, веря в миф о вседозволенности, само слово «сострадание» никогда не было в почете у моего поколения. Но когда я познакомился с далай-ламой, я понял, что сострадание — это серьезная и долгая работа ума. Тибетские буддисты полны со-

страдалия, потому что глубоко понимают человеческие мучения.

— Это изменило вас самого?

— Да, потому что человеку очень важно внутренне измениться. Только идиоты не меняются. Тем не менее я не стал буддистом после своего фильма, остался режиссером. Все режиссеры по сути — слуги фильма, который они снимают. Не более того. Ведь

если я, скажем, делаю картину об убийце, мне совсем не обязательно превращаться в уголовника.

— Но мы говорим о фильме духовном, религиозном, удивительном для человека, который воспевал революцию и коммунизм...

— Я всегда был нарушителем разных табу. И Будда тоже. Придя в Индию, где почти-тались миллионы святых, он сказал: «Все, хватит. Важнее всего — человек». Когда старые идеологические крепости пали, я почувствовал в себе пустоту. Пустоту, которая меня еще больше приблизила к идее Будды.

— Вы имеете в виду падение коммунизма? Но разве вы не считали себя долгие годы

марксистом?

— Когда несколько лет назад рухнула официальная конструкция, я думал, что для фальшивого символа — это по заслугам. В конце концов, почему множество людей должны были страдать, чтобы я наслаждался сладким сном, аб-

— И все же, не кажется ли вам странным неожиданное возрождение буддизма, нет ли в этом очередной моды?

— Конечно, есть. Еще года три назад, когда я начинал свой фильм, никто о буддизме и не вспоминал. А сейчас, в том числе и благодаря мое-

фильму, он действительно вошел в моду. Так случилось со мной. Мой «Последний император»: «китаемания», «модой», вылилась в Евро-пифасоны одежды, мебель, и так далее. Так что и к «китаемании» надо относиться с осторожностью. Мода — часть жизни.

— Вы уехали из Италии. Почему?

— Сбежал, не выдержав запаха гнили и коррупции. Легче всего отправить за решетку четыреста или пятьсот коррумпированных политиков

меня ужаснула. Почему, думал я, у моих друзей, старых коммунистов, прошедших тюрьмы и концлагеря нацизма, отбирают имя? Что с ними будет? Какое-то время я пребывал в растерянности, но жизнь все расставила по местам. А работа заполнила образовавшуюся во мне пустоту.

— И все же, не кажется ли вам странным неожиданное возрождение буддизма, нет ли в этом очередной моды?

— Конечно, есть. Еще года три назад, когда я начинал свой фильм, никто о буддизме и не вспоминал. А сейчас, в том числе и благодаря мое-

фильму, он действительно вошел в моду. Так случилось со мной. Мой «Последний император»: «китаемания», «модой», вылилась в Евро-пифасоны одежды, мебель, и так далее. Так что и к «китаемании» надо относиться с осторожностью. Мода — часть жизни.

— Вы уехали из Италии. Почему?

— Сбежал, не выдержав запаха гнили и коррупции. Легче всего отправить за решетку четыреста или пятьсот коррумпированных политиков

и промышленников, а надо изменить самим итальянцам. Страна превратилась в нацию циников. Я не могу вернуться в такую Италию, но я намерен снять там третью часть «Новеченто» и небольшую комедию.

— После двух грандиозных фильмов — маленькую комедию?

— Я всегда делаю обратное тому, чего от меня ждут, потому что больше всего в жизни мне нравится удивлять. Когда люди говорят, что не узнают меня, это высшая похвала.

...Действие фильма «Маленький Будда» развивается в американском Сиэтле, холодном, современном и равнодушном, и в Индии, многоцветной и перенаселенной, но по-человечески теплой. Контраст, который позволяет Бертолуччи с большой убедительностью исследовать души и мысли своих героев. Кстати, он утверждает, что делал фильм, думая прежде всего о детях, отсюда и художественная форма картины, близкая к сказке.

Владимир ВЕРНИКОВ, МАДРИД.

Бернардо Бертолуччи снова нарушает табу

EL PAIS

Газета «Паис», Испания